
МАЛИНОВАЯ
СКАЛА
ВОЙТ СОДОМА

МАЛИНОВАЯ СКАЛА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Памяти Войт Нины Ивановны

Понимаешь, всё еще будет!

В сто концов убегают рельсы,

самолёты уходят в рейсы,

корабли снимаются с якоря...

Сказка о потерянной Солнце

Долгое время на небе не появлялась Солнце. Серее и пасмурнее этих небес вы не видели.

Дело было в том, что Солнце заболела. Да, она оказалась девушкой, её жаркое тело лежало на лугу в собственной тени и стонало тихой болью. Искусственный свет опалял кожу Солнце, а когда шёл дождь, капли испарялись на облака и летели вверх густым белым паром. Говорить Солнце не хотела, молчала. Обиженными глазами она смотрела на пейзажи, созданные неведомым богом вокруг неё, и сжимала губы. В особо ветреные дни её волосы теряли свой насыщенный огненный цвет, становясь человеческими — русыми или белёсыми. И это было ужасно. Любое соприкосновение с Землёй давалось солнечной девушке тяжело, отчего в груди затаивался неприятный вопрос: как Солнце терпела нас?

В это трудно поверить, но уже через сотню лет Солнце выздоровела, взлетев к серому, словно потёкшая печать, небу. Она со свистом невидимых крыльев пробилась сквозь тучи. Загорелись облака. Дождливая распечённая радуга, будто молния, нарисовалась на небе.

Все живые существа Земли затаили голоса. До потерянной Солнце оставалось совсем немного.

— Пробилось! Оно пробилось! — кричали радостно.

— Смотрите же! Об этом солнце мы читали книги и слушали сказки!

— Замечательно! — громче всех отозвался кто-то. — Замечательно, словно сто добровольных лет одиночества.

Августовские обрывки

Небо тёмно-синее, дождливое, мрачное, морское. Дождь. Листва слегка освещена. Прохлада. Ветер. Вдалеке небо схематично горит. Нарастает дождь. Капель. Небо всё темнее, сравнений нет. Объекты вдалеке, как тень пополудни летом.

Смотря на вечер августа, я чувствую, что теряю красоту жизни в целом. Из синего небеса перешли в оттенок обречённости. По правде, я не был когда-либо обречённым, но я знаю вид человека обречённого. Вот: не различаю более синего. Кончилась краска. Ночью мало цветов. Я не вижу дождь. Он льётся просто так. Высунув ладонь, верю в дождь. Вдалеке конец туч. Белые рваные полосы. Там свежо, там зима. Отражение лампы — не луна, и это меня огорчает. Рваное небо ширится. Небо темно. Дождь приелся. Уникальность теряется из-за внутренних переживаний и головной боли.

Лисица

Она жила в норе посреди степей. Каждый день лисицы начинался с того, что она перебегала реку по камням и направлялась в домик живущей здесь Клементины.

Клементина была красивой, почти взрослой девушкой и жила совсем одна. Её дом — маленькое бревенчатое здание, обросшее яркой виноградной лозой и плющом. У входа висел фонарь, который она зажигала по одиноким вечерам, когда собиралась на прогулку; это она любила.

Несмотря на то, что люди никогда не видели Клементину, следует описать внешность этой девушки: вьющиеся до поясницы русые волосы, румяные щёчки, аккуратное овальное лицо. Но Клементина не улыбалась, и весь её образ походил на печальный, чем на романтичный. Ведь она с пелёнок проживает одна, у неё не было ни отца, ни матери. Она их попросту не знает. Отсутствие общения повлияло на девушку — она не умеет говорить. В её домике нет книг или чего-нибудь, что нужно читать, а это очень мешает бороть тоску, печатью лежащей на этой степи.

Впрочем, есть одно существо, ставшее Клементине роднее семьи, — лисица. Именно она красит будни несчастной девушки изо дня в день на протяжении многих лет. Клементина не помнит, когда впервые с ней познакомилась, так как это было давно. Возможно, с раннего детства они неразлучны, как солнце и небо. Вот и теперь лисица пришла навестить Клементину, молча сажавшую что-то в своём саду. Лисица пригляделась через щели забора, взмахнула хвостом-кисточкой и юркнула к ней под ноги. Девушка не испугалась, она знает, что только лисица может появиться в её саду. Она потёрлась шерстью о платье хозяйки и заворковала.

Но вдруг разразилась гроза, и Клементина побежала домой — ей требовалось успеть закрыть двери и окна. Лисица побежала следом, как тут удар молнии попал прямо в бедную девушку, и она пала, исходя дымом, тело её налилось чёрным, горелым цветом.

Лисица в ужасе остановилась. Теперь, когда она потеряла свой смысл жизни, ей остаётся покончить с собой. Хитрая воровка пошла в нору, где перетерпела голод, темноту и одиночество.

Когда она проснулась, на улице была весна, а дом Клементины обратился в медвежью берлогу.

Млечные земли

Остров, парящий над молочным родником, усеян растениями и шипастыми цветами. Растёт большое дерево на нём. С одной стороны — прекрасное место, требующее пристального внимания. С другой стороны — патология красоты. Так зовётся остров.

Некая звезда фугурус — восьмиконечная символика с большим количеством граней.

Сонмы, люди спящие, летают у острова с помощью крыльев не то ангела, не то бабочки. Кошачья пластичность видится в них. Люди эти — сугубо немые, безликие и тёмные, как тень, но не чёрные, как ночь.

Рыба-пила живёт под островом. Молчит.

Солнечному зайчику

Священное небо боялось погибнуть, и дождь шёл так долго, что я заблудился в плотном тумане. Это было утром. Люди умирали, завёрнутые в пледы, боясь холода, а я проходил мимо них и молился. Каждый раз солнце подавало надежду, но гасло. Медленный кошмар снится мне — могу разложить его по осколкам, шагам, голосам и этапам. Каждый новый бес говорит мне одно и то же. Я слышал это вчера. Конечно, слышал, и забыл. Они напоминают мне, чтобы тревога никогда не покидала мою голову, до ужаса уставшую от печали. Это они посылают на мой город дожди, туманы, розовые блики на окнах. Это они делают.

Одна сторона лица просится наружу, искривляется и плачет белыми слезами, она умоляет меня отпустить её из цепкой улыбки. Другая сторона лица моя не шевелится, не просится никуда, она застыла в солёной воде, сухая, пропитанная оскорблениями. Двуликая смиренность.

Пейзажи эти вымучили не один десяток людей, и все — исчезли без следа. Я сам скоро исчезну, честно. Обещаю солнечному зайчику, бегающему по облакам. Он приближается ко мне!

Абсурд

Как то, что вынашивали наши матери, вдруг обернулось против них... Это меня тревожит. Сколько бы не прошло времени, оно остаётся внутри, усиливается на плохую погоду.

Как однажды я поверил: самая яркая звезда на ночном небе — мой отец. Так мне сказала моя мама. Она улыбалась, стоя на балконе, и её слова не хотели меня опечалить — наоборот, обрадовать. Когда-то она чувствовала моё зарождающееся тело под своим сердцем, думала обо мне днём и не спала ночью, ведь ей было плохо. Она вынесла мои капризы и сделала всё, чтобы я был счастлив. Моя мама мечтала о том, кем я стану в будущем, делясь своими мыслями с отцом. Как она сказала мне: «Ты будешь таким высоким, прямо как твой папа, и сможешь доставать до птиц, сидящих на самой высокой ветви виноградного дерева». Я в это поверил и пообещал самому себе, что так и будет.

Вероятно, она так долго ждала моего рождения, и вот когда-то этот день настал. В феврале родился здоровый мальчик. Ему давали должное воспитание два человека, его родители, а бабушка мальчика — наставляла.

Смотрите-ка, он подаёт надежды в школе и детском саду, показывает себя как послушного, тихого человека. Он много фантазирует; был он чёрной пантерой и был он супергероем.

Но история пала духом, и мальчик пал, когда ослабли доспехи. Родители умерли, и зимой он страдал вместе с бабушкой. Как то, что вынашивали… — вдруг убило последний луч дневного жёлтого солнца. На смену ему потянулись ко рту красные змеи безумия, которые он, желая изведать их на вкус, проглотил без сопротивления.

Холм

В густой пасмурный дождь открылись двери и окна в небольшом холме, находящемся далеко от людского присутствия. Сквозь пелену мороси я увидел расплывчатый медовый свет, за которым чья-то маленькая рука ставила книгу на полку. Из открытой двери на землю падал размытый прямоугольник с неровными краями. Он мерцал от огня внутри холма. Несмотря на отпертые окна, я не мог разглядеть фигуру, что находилась там, ибо она была очень низкорослой и быстрой.

Я понял, что мне нужно идти к холму. Его хозяин приглашает меня в гости, и я не имею права отказаться.

На полпути к холму я остановился. В проходе стал, заслоняя свет, зверь. Сперва мне показалось, что это хоббит, однако его внешний вид, к которому я присмотрелся лучше, развеял эти мысли; на пороге стоял маленький лысый зверь с ушами, как у лисы, и хвостом. Получеловек внимательно глядел на меня и ничего не говорил, но по его нетерпеливому взгляду я догадался поспешить зайти вовнутрь. Он закрыл за мной двери, подогнанные в холм в виде арки. Прохлада дождя тут же исчезла, ведь помещение топилось древесиной. Получеловек сел за стол и продолжил читать книгу. (Видимо, я отвлёк его от этого занятия, когда появился у холма.) Со мной он не общался, я даже не знаю, умеет ли он говорить.

Тем не менее, я ощутил, что зверь впустил меня к себе не просто так, а с целью что-то предупредить. Мне было тяжело — не могу спросить напрямую, и поэтому я присел на стул и не шевелился, обернувшись к окну. В этой маленькой комнатке, тесно обставленной скудной мебелью, пахло опилками. Мне вдруг стало очень хорошо, зная, что я скрыт от града, бури и дождя в этом крохотном холме, и здесь не воет сквозняк и не холодно. Верно, получеловеку крайне уютно жить в подобном месте, но всё же я не понимал, для чего был сюда приглашён.

Окна запотели каплями, и увидеть лес снаружи не удалось. Возможно, я смог бы уличить кого-то или что-то в охоте на себя, но оставалось биться в догадках. Близилась ночь, а дождь усиливался. Мой молчаливый собеседник упорно читал книгу не изменяя позу. Поэтому, не желая его отвлекать, я самостоятельно постелил дубовое ложе пледом и лёг. Мне было приятно лежать. Ноги устали за целый день. Мои глаза были устремлены в потолок. Я лежал в тишине, нарушаемой перелистыванием страниц, но сон, несмотря на истому, не приходил. А ещё постоянные мерцания теней от огня отвлекали меня, но вдруг получеловек громко захлопнул книгу, что я испугался и, вздрогнув, повернул шею в его сторону. Он смотрел на меня.

Взгляд этого существа ничего не выражал, он просто глядел.

— Я учусь читать, — сказал он внезапно. — Спасибо, что не мешал мне всё это время.

— Ничего особенного. Я уважаю твой дом и его спокойствие. Кажется, теперь мы можем поговорить?

— Да, я могу говорить.

— Кто ты такой?

— Я твой друг.

— Рад слышать. Почему ты впустил меня к себе?

— Там опасно. Сейчас выползут они.

Я привстал.

— Кто?

— Боги.

— Расскажи подробнее. Какие боги?

— Боги дождя, — ответил он и улыбнулся.

Гранат

У гранатового дерева были постелены зелёные ковры. Под его тенью летучие мыши жались в уютные скопища. Белые и огненно-рыжие волки кусали траву, тихо глядя в заземлённую вечность. Они прислушивались: кто-то хохотал, и рядом, в десяти шагах. Только двинешься к смеху, как тебя сковывает печальная отрешённость. Ты останавливаешься прямо перед целью, взглянув на гранат. Он, конечно, не имеет волшебного свойства менять положение вещей, но устраняет невежественные мысли и заставляет никогда не пытаться покинуть пределы. Но вот я не раз хотел это сделать — сбежать. Место намертво обворожено снами. Сунешь руку через забор, и она покрывается радужной глазурью. Во второй раз — гранатом. Да, косточки и кожура составляют твою руку после этого.

Никто не видел меня, когда я обречённо ел гранатовые пальцы; самый обычный фрукт, даже крови не было. Рука не двигалась, я не мог согнуть её в кулак.

То, что люди снаружи называют радостью, запечатано здесь в утробе каждого животного. Они рождаются и первым делом сгорают, чтобы оросить собой землю. На их месте с большой скоростью прорастают стебли без лепестков разного цвета. Дожди питают эти стебли влагой. Я не отбрасываю попыток избавить себя от этих вещей. Я становлюсь одним целым с ними.

Более всего страшна ночь, когда я перестаю видеть и так полуслепыми глазами. Ноги путаются в цепкой черноте. Поля. Мельница стоит во тьме и горит водянистым пламенем, медленным, аккуратным. Кто-то садится на плечо. Я вижу коршуна. Бегу дальше и тону в неизвестной трясине. Вот, прошу запомнить этот момент, именно на нём я просыпаюсь и вижу человеческий труп. Представьте себе! Идеалистическая картина, написанная угнетающим маслом, содержит в себе подкожную кровь. Под холстом или, что хуже, под слоями краски.

Родной труп, старый, милый, пятнистый. И тут я вспоминаю, как труп ходил со мною за руку и целовал меня. Здесь я падаю посреди огня на колени, молю сны позабыться, открыть мне путь отсюда. Я виноват, что этот труп заточён вместе со мной, рядом с гранатовым деревом. Река, по которой течёт труп, окрашивается каждый раз, когда я моргаю.

В такой воде невозможно отстирать душу и ладони.

Я шепчу трупу:

— О, ты была права. Я вспоминаю тебя и плачу.

Она мне не отвечает и колыхается.

Нина

Эта женщина прожила столько лет! Представляешь, что она повидала на своём веку, и сразу удивляешься. Не то страх смерти останавливал её от поражения, не то вера в хорошего, настоящего бога. В любом случае, что-то сдержало эту женщину от гибели, никакое горе не воздвигло для неё стены, и она заслужила спокойную старость.

Кто-то помнит её, танцующую на празднике у чужого человека, её улыбку, смущённую, но радостную. Среди людей она никогда не чувствовала себя отстранённой, нет. Ей было приятно заговорить с первовстречным о погоде или ситуации в стране. Она видела тех, кто мог бы понять её хорошее настроение. Она отлично сохранилась в свои восемьдесят года, не только здоровьем и внешностью, но и душой. Стоит ли говорить, какие муки она перенесла и какие оскорбления простила? Боюсь подумать, что ощущало её сердце, когда родной сын называл её так, как и про себя сказать грешно. Она терпела его пьяные капризы и не переставала любить, хотя после тех слов, обращённых к ней, делать это очень тяжело. Пожалуй, она совсем не злопамятна. Она, как ребёнок, боится страха и смеётся счастью. Мир перед глазами этой женщины не розовый, а честный, не лишённый какого-либо цвета.

Именно поэтому её было так легко растрогать. О, так легко! К своей скорой смерти она относилась героически просто, говоря, что жизнь прожита, а умирать не хочется.

Тяжело хоронить своих детей матери. Эта женщина потеряла одного и громко плакала над его телом, лежащим в гробу. Никто не мог успокоить её тогда. Остался второй сын, любящий выпить. Он и создавал ту гнетущую вечную зиму. Ведь она маленькая, беззащитная бабушка, а сын — чёрствый армеец с грубым характером, который не знал своих мер в алкоголе и обращался в вопящее животное, такое, что не жалело никого вокруг себя, оскорбляло свою семью ужасными словами, а потом, не сумев самостоятельно подняться с кровати, поздней ночью кричало, чтобы ему помогли. Бывало, он падал и засыпал прямо на полу в коридоре. Женщина спешила укрыть его и подложить под голову подушку, беспокоясь, как бы он не заболел.

Каждый день она посвящала готовке и, поверьте, готовила необычайно вкусно. Полагаю, непрекращающиеся жизненные трудности закалили женщину, однако же сколько было в ней любви! Она, эта льющаяся через край любовь, никогда не позволяла женщине поднять руку на ребёнка, воспитывая его. Да и стоит ли об этом говорить, учитывая её ранимость, болезненную ранимость повреждённой души.

Впрочем, никто не вечен, и доброта человеческая так же имеет свойство уступать более злым, а в нашем случае скорее вымученным, чувствам. Например, она впадала в гнев и отчаяние, когда пьяный сын безостановочно донимал её своими глупыми просьбами, от которых она

сильно уставала. Она срывалась на плач и вопль, в речи её проскальзывала брань, а лицо багровело. В таком состоянии она просила сына замолчать, успокоиться и дать ей отдохнуть.

Наблюдающий за этим мальчик жутко страшился — видеть бабушку такой злой ему не нравилось. Пьяный сын чаще всего находился в весёлом, глупом настроении и отставал от своей матери, но так было не всегда. Порою сын напитывался злостью и уже не казался ей таким простодушным. Он мог замахнуться кулаком, пригрозить, испугать. Мальчик всё это видел наяву, ему тоже было не по себе, и он умолял бабушку взять его с собой в магазин или отвезти к соседке. Таким образом, дом перестал быть крепостью тепла и уюта: они оба были заперты и обязаны терпеть.

Женщина много раз просила сына не трогать её внука — ему ведь ещё делать уроки, ему рано вставать! Подобные слова, правда, не особо волновали пьяного человека, и она плакала — переживание за близкого утомляло её.

Но вот запой прекращался, и жизнь возвращалась в привычную колею. Она общалась с родственниками и рассказывала о произошедшем, смеясь, что даже тоски не было заметно в голосе. Дни становились светлее, и это не казалось — взаправду! Каждый день она спрашивала у внука, как его дела, и он всегда отвечал, что хорошо. При этом было видно, как что-то убивает его.

Женщина любила всех, хотя ей делали больно. Она желала дать всё, что могла себе позволить растущему мальчику, оставшемуся после смерти первого сына. Она всю жизнь опекала его, лелеяла и помогала, когда не могли родители. Мальчик рос, его характер стремительно менялся в подростковом возрасте, и он был несколько груб и неосторожен. Потом стал серьёзен, тих и молчалив. Он вырос до неукоснительного уважения. Ссоры прекратились, как будто солнце выглянуло из-за туч.

Они жили так долгое время, и даже сын перестал выпивать по состоянию здоровья. Женщина, о которой идёт речь, очень переживала, чтобы с мальчиком ничего не случилось, и не любила, когда он надолго пропадал на улице; не любила, когда он просиживал целый день за компьютером, не видя света из-за зашторенных окон.

Как всё трагично окончилось — просто бедствие, в которое невозможно поверить, не зная всей истории. А историю знают только два человека.

Ранним утром, в сентябре, какие-то бесы прорвались наружу, и женщина, которую звали Ниной, была найдена убитой.

Август — ноябрь 2025 г.